

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Л78

Danielle Lori

THE SWEETEST OBLIVION

Печатается с разрешения литературного агентства

Danielle Lori LLC

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced or transmitted in any form without written consent of the author, except by a reviewer who may quote brief passages for review purposes only. This is a work of fiction. Names, characters, places, and incidents are used fictitiously and are a product of the author's imagination

Русификация обложки *Ольги Жуковой*

Лори, Даниэль.

Л78

Сладостное забвение: роман / Даниэль Лори; пер. с англ. А Никулиной. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 480 с. — (Love & Mafia).

ISBN 978-5-17-148318-0

Ее прозвали Милашкой Абелли за послушный характер. Вежливая улыбка, заботливый взгляд — неудивительно, что именно Елена стала любимой дочерью своего отца отца и идеальной принцессой мира мафии...

По крайней мере, она была ею до сегодняшнего дня. Сейчас все, что она видит в зеркале, — это руки, окрашенные кровью, словно краской.

Сестра Елены собирается замуж за Николаса Руссо, дона одной из пяти мафиозных семей Нью-Йорка. О его репутации слышаны все, и она темнее его черных костюмов. Первая встреча с Николасом не оставляет у Елены сомнений: он так же груб, как и красив.

Ей не нравится ни этот мужчина, ни то, что он олицетворяет, но это не мешает ее сердцу биться изо всех сил, словно дождь по стеклу, когда он рядом, а коже покрываться мурашками от одного звука его голоса.

А еще он всегда рядом. Говорит ей, что делать. Он заставляет ее тело гореть, и это совсем не то, что она должна испытывать в присутствии жениха сестры. Елена, может, и Милашка Абелли для окружающих, но она начинает понимать, что ей по вкусу темнота, грубые руки и глаза цвета виски.

Избежав одного скандала, она едва ли может позволить себе быть втянутой в другой. Кроме того, даже если бы Николас и принадеждал ей, все знают, что не стоит влюбляться в мафиози...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Copyright © Danielle Lori, 2018
© Никулина Анастасия, перевод
на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ISBN 978-5-17-148318-0

*Эй-Джею – моему
единственному вдохновению
для влюбленности*

Плейлист

- World Gone Mad — Bastille
Rocket Man — Elton John
Human — Aquilo
Waterfalls — Eurielle
Her Life — Two Feet
Like I'm Gonna — Yasmine Thompson
Lose You
Madness — Ruelle
Fireworks — First Aid Kit
Seven Nation Army — The White Stripes
Dirty Diana — Shaman's Harvest
Holocene — Bon Iver

Глава первая

Не бывает хороших или плохих денег.
Есть только деньги.

— Лаки Лучиано* —

Лонг-Айленд, Нью-Йорк

Елена

Наш дом представлял из себя живописную картину. Красная входная дверь с позолоченным молотком. Полы в черно-белую клетку. Сияющая лаковым покрытием деревянная лестница и сверкающая люстра. Несмотря на показную красоту, мне всегда было интересно: а если я потяну за уголок обоев... потечет ли из-за них красная кровь? Если бы всех в мире было видно насквозь, то кровь в этом доме с тихими шлепками собиралась бы в лужи на мраморных полах.

Я отрешенно смотрела телевизор в углу кухни и почти не прислушивалась к голосу ведущей, пока с ее алых губ не сорвалось слово «убийство» и не прогремело эхом в моей голове. В горле встал болезненный комок, и я нервно покрутила кольцо на среднем пальце.

* Знаменитый американский мафиози, уроженец Италии (1897–1962). (Все примечания без пометы о том, чьи они, принадлежат редактору. Все переводы цитат и высказываний без пометы о том, чьи они, принадлежат переводчику.)

Хотя и дом, и вся моя жизнь всегда были построены на горах грязных денег, раньше я могла сказать, мол, лично я к этому непричастна. Но в нынешнем году все изменилось. Теперь на моих руках — кровь, и чувство вины преследовало меня во снах.

Слуги шныряли в кухню и обратно, сервируя стол на террасе для обеда, и каждый раз, когда дверь открывалась, до меня доносились голоса.

Заливистый женский смех, оживленная речь кузена Бенито и голос, показавшийся смутно знакомым еще утром, когда я покидала церковь. Низкий, бархатистый и безразличный. У меня от него шевелились волосы на затылке — я знала, что он принадлежал будущему мужу моей сестры.

Отчасти из-за жениха сестры (нет, скорее, сто процентно) я и пряталась на кухне, хотя никому бы не призналась в собственной слабости.

— Ты слишком красивая, чтобы хмуриться, Милашка Абелли. — Мать вошла в кухню, впустив сюда какофонию звуков разговоров гостей в холле.

Я поежилась под весом ее слов. По очевидным причинам мне уже давно не приходилось слышать детское прозвище. Я его немного переросла, особенно когда поняла, что милой меня считали по совершенно неправильным причинам: на меня было приятно смотреть, я молчала, когда следовало, и всегда вежливо отвечала. Я застряла в ожиданиях этого мира, как в тесном платье, оказавшемся не по размеру. Годами я чувствовала себя красивой птичкой в клетке, пока однажды такая жизнь не стала абсолютно невыносимой... И тогда я сбежала.

— Не понимаю, зачем ты это смотришь, Елена, — сказала мама, помешивая стоявший на плите соус в кастрюльке. — Телевизионная чушь только в депрессию вгоняет.

Мама была женой Сальватора Абелли — известного босса одного из самых крупных криминальных

синдикатов Соединенных Штатов. Иногда я не могла понять, была ли ее наивность просто отрицанием или же ей и правда интереснее смотреть «Дни нашей жизни»*, нежели волноваться о делах моего отца.

— Я не знаю, за кого голосовать на выборах, — рассеянно ответила я.

Она недоуменно покачала головой, и я подумала, что, пожалуй, для дочери мафиози и впрямь странно обращать внимание на государственные условности.

— Папá тобой недоволен, — сказала она, глядя на меня из-под темных ресниц и поджав губы, что всегда означало: у меня проблемы.

— Когда папá вообще был мной доволен в последнее время?

— А чего ты ожидала после того, что натворила?

Прошло уже шесть месяцев, но я могла поклясться: мать поднимала эту тему каждый божий день. Похоже, она радовалась моей ошибке, как собака, которой бросили косточку — ведь у нее наконец-то появилось, за что отчитывать дочь.

— Почему ты не подошла познакомиться с Руссо сегодня после службы? — Она ткнула в мою сторону ложкой. — И не говори, что забыла и просто ждала в машине, все равно не поверю.

Я скрестила руки на груди.

— Я не хотела. Он... грубый.

— Елена, — укоризненно сказала она. — Ты его даже не знаешь.

— Совершенно не обязательно встречать кого-то с подобной репутацией лично, чтобы оценить его характер, мама.

— *Oh Madonna, salvami***, — пробормотала она.

* *Days of Our Lives* (англ.) — американский сериал, идущий на канале *NBC* с 1965 года по настоящее время; среди режиссеров — Грант Джонсон, Рэнди Роббинс — (Прим. пер.)

** О Мадонна, спаси меня. (итал.).

— И Адриану он не поймет, — подытожила я. Мама фыркнула.

— Немногие поймут твою сестру, *figlia mia**.

Садовник понимал... Но маме я ничего говорить не собиралась, иначе к концу дня бедняга бы уже очутился на дне Гудзона.

В начале прошлой недели папá объявил, что Адриана станет женой Николаса Руссо, донна одной из пяти мафиозных семей Нью-Йорка. Мой проступок до сих пор являлся болезненной темой, но эта новость и вовсе вскрыла старые раны.

Я была старшей сестрой, следовательно, в мои обязанности входило выйти замуж первой. Но, совершив ошибку, я подставила сестру — и отправила ее в лапы мужчины с *репутацией*. Всем известно, что, если в нашем мире у кого-то есть определенная репутация, от такого человека нужно держаться подальше.

— К тому же Нико идеальный джентльмен. Ты бы сама это узнала, если бы познакомилась с ним сегодня утром после службы, как планировалось.

Утром я сразу же метнулась от дверей церкви к машине, только чтобы избежать вынужденной встречи с будущим мужем сестры. Для отца я — изгой, поэтому меня удивило, что он вообще заметил мое отсутствие. Кроме того, я была уверена, что джентльменский образ Николаса Руссо — несовершенный обман.

Отец Николаса умер пять лет назад, и с тех пор двадцатипятилетний дон, самый молодой из находящихся у власти, стал известной фигурой в криминальном мире. Как и отец, он был жуликом, на его руках — больше крови, чем у всех заключенных тюрем Нью-Йорка вместе взятых, а в нем самом нет ни грамма сожаления. По крайней мере, так я предполагала. Если бы он чувствовал какую-либо

* Дочка. (итал.).

вину, то телеведущая не сообщала бы каждое утро в течение года о новых жертвах из рода Занетти — семьи, на которую Николас держал зуб за смерть отца. Если вам интересно мое мнение, то ему с таким характером прямая дорога в ад.

— Я уже встречалась с ним, мама.

Она вскинула бровь.

— Правда?

— Ну... нет.

Ее лицо помрачнело.

— Но мы обменялись взглядами, — настояла я. — И этого оказалось достаточно, чтобы понять: Адриане он совершенно не подходит.

Мама закатила глаза.

— *Ridicolo**.

Обменяться взглядами и враждебно уставиться — это ведь одно и то же... верно? Честно говоря, все было чистейшей случайностью. Я спускалась по ступенькам церкви и обнаружила семейное собрание, к которому должна была присоединиться. Папа и мама стояли по обе стороны от Адрианы, а напротив находился Николас Руссо. Так в нашем мире обычно впервые встречаются жених и невеста. Браки по расчету — обычное дело для *Коза ностра*.

Раздраженная происходящим, я неодобрительно прищурилась и одновременно посмотрела на будущего мужа сестры, который всюду глазел на меня. Вот таким образом и получился пресловутый враждебный взгляд. Повторяю, по совершенной случайности. Но показать обратное я уже не смогла — если бы улыбнулась, вышло бы в лучшем случае снисходительно, поэтому я... продолжила прожигать Руссо взглядом и понадеялась, что меня не убьют.

Взгляд Николаса похолодел и стал недовольным, но спустя секунду напряженной игры в гляделки он

* Смешно, нелепо. (итал.).

повернулся к моему отцу, будто я была невзрачным пролетающим мимо листочком. Выдохнув, я решила спрятаться в машине. Ни при каких обстоятельствах я не собиралась пересекаться с молодым мафиози после такого провала. Лучше избегать дона до конца дней.

— Хватит беспокоиться, просто доверься отцу.

Я издала задумчивое мычание, поскольку до меня донеслась реплика Бенито о пользе будущего брачного союза для взаимного сотрудничества по какому-то оружейному договору. Сестра была пешкой в очередном крупном торговом соглашении, только и всего. Как романтично. Впрочем, мы всегда знали, что этот день настанет. Я никогда не надеялась на брак по любви, как и Адриана.

Одна проблема: сестра была уверена, что уже полюбила.

Садовника.

— Елена, узнай, готова ли Адриана к обеду.

— Вчера вечером она сказала, что не спустится.

— Спустится! — огрызнулась мама и пробормотала что-то на итальянском.

Я неохотно отлипла от стола и вышла из кухни. Голос телеведущей нагнал меня в дверях, снова обронив слово «убийство», что смахивало на явное предостережение.

Из старинного проигрывателя звучала песня «Вечером в Риме»*. Я направилась к лестнице, попутно окинув взглядом людей в холле. Среди прочих были — папá, сестра моего отца, ее муж, несколько кузенов и брат Тони, сверлящий взглядом Николаса.

Кстати, Тони стоял в стороне, прислонившись к стене и спрятав руки в карманах черного костюма.

* On an Evening in Roma (англ.) или *Notte'er celo de Roma* (итал.) — песня, которую исполнил американский певец и актер итальянского происхождения Дин Мартин (1917–1995). Авторы композиции — Алессандро Таккани, Нан Фредерикс, Умберто Бертини; песня выпущена в 1959 году — (Прим. пер.)

Его девушка не была итальянкой, поэтому ее редко приглашали. Маме она не нравилась лишь потому, что встречалась с ее сыном.

Я любила брата, но он оказался импульсивным, безрассудным и жил по принципу: «Если мне кто-то не нравится, я пуцу в него гребаную пулю». И, вероятно, теперь у него чесались руки пристрелить Николаса Руссо. В прошлом эти двое уже пересекались, и стычка не закончилась ничем хорошим.

Взгляд зацепился за впечатляющую молодую женщину с... интересным стилем. Она стояла рядом с мужчиной, которого я считала ее дедушкой ровно до тех пор, пока он не схватил ее за зад. Она поджала губы, как будто все это досадная помеха.

На ней была накидка из норки (*в июле!*), легкое платье оливкового цвета и сапоги-ботфорты до бедра. Длинные темные волосы ниспадали на плечи плавными волнами, а накладные ресницы и крупные серьги-кольца делали ее похожей на ходячую рекламу семидесятых. Для окончательного завершения образа она надула и лопнула пузырь из розовой жвачки и неодобрительно покосилась на меня, словно мой стиль опоздал на четыре десятка лет. Если где-то и когда-то и сталкивались полные противоположности, то это точно были мы с ней.

Я положила руку на перила и почти вышла на финишную прямую, практически достигнув цели, когда за моей спиной раздался голос отца:

— Елена, подойди сюда.

Желудок ухнул куда-то вниз, и я закрыла глаза, признавая поражение. Я замешкалась, но всего на секунду: этому голосу не возражали.

По дороге к отцу, стоящему рядом с Николасом, у меня вспотели ладони. Когда я приблизилась, папá взял меня под руку и улыбнулся, однако улыбка не отразилась в его глазах.

Папа выглядел лет на десять младше своих пятидесяти пяти и мог «похвастаться» лишь несколькими седыми прядями в черных волосах. Он всегда облачался в костюмы, на которых вы не смогли бы найти ни единой складки, но образ джентльмена был лишь фасадом. Когда мне исполнилось семь лет, я воочию видела, как именно он заработал свою репутацию (я наблюдала за разборкой через приоткрытую дверь его кабинета).

— Елена, это Николас Руссо. Нико, это Елена, моя старшая дочь.

Я разыгрывала подобный спектакль уже сотни раз, в разные дни, с разными мужчинами, но сейчас воздух застрял в горле, словно, если я подниму глаза, меня столкнут с доски в кишашую акулами морскую воду. «Он просто человек», — напомнила я себе.

Человек с наихудшей репутацией во всем Нью-Йорке.

«И зачем я на него тогда уставилась?»

Сделав глубокий вдох для храбрости, я все же приподняла голову, чтобы разглядеть жениха сестры. По позвоночнику пробежала горячая волна, когда я встретилась с тяжелым взглядом Николаса. Светло-карие глаза цвета виски со льдом и плотные, темные ресницы. Они придавали ему хмурое выражение, будто он щурился на солнце, а на меня этот молодой мужчина смотрел так, словно ему представили кого-то из слуг, а не сестру будущей жены.

Я на несколько сантиметров выше Адрианы и не расстаюсь с каблуками на людях, но даже так я не доставала макушкой до подбородка Руссо. Мне очень сильно захотелось отвести взгляд и сфокусироваться на черном галстуке на уровне моих глаз, но казалось, что если я отвернусь, то проиграю. И я выдержала взгляд дона.

Мой тон был вежлив, как и всегда.

— Приятно...

— Мы уже знакомы.

«Мы... что?»

Безразличный голос Николааса буквально пробежал по моей спине, вызывая странную дрожь. Он толком еще ничего не сказал, а мне почудилось, что я стою на территории Руссо, а вовсе не Абелли. Как будто все пространство вокруг него автоматически принадлежало семье Руссо, где бы он ни находился.

Папá нахмурился.

— И где вы успели познакомиться?

Я с трудом слотнула.

Во взгляде Николааса заиграло что-то опасное и веселое одновременно.

— Сегодня в церкви. Помнишь, Елена?

Сердце захолонуло. Почему мое имя на его языке звучало так, словно Николаас действительно давно со мной знаком?

Папá напрягся, и я сразу сообразила, почему: из-за развязного тона он подумал, что я с этим мужчиной занималась чем-то непристойным. Кровь бросилась в лицо. Одна ошибка, совершенная полгода назад, и теперь отец думает, что я подкатываю к жениху родной сестры?

Я заморгала в негодовании. И это — за краткий, не столь уж и враждебный взгляд? Николаас нащупал мою слабость и открыто издевался надо мной.

В груди зашевелилось недовольство. Не согласиться с доном, которому отец наверняка верит больше, чем мне, значило лишь усугубить ситуацию.

В итоге я ответила максимально непринужденно.

— Да, папá, мы пересекались. Я забыла куртку в церкви и столкнулась с Николаасом. — Я слишком поздно поняла, что сглупила: на дворе стоял июль. На службе на мне не было никакой куртки. И Николаас, конечно, оказался в курсе.

Он вытащил руку из кармана и провел пальцем по нижней губе, слегка покачав головой, дескать, он впечатлен, что я ему подыграла, но чуть разочарован, что я сделала это настолько плохо.

Мне он не нравился. Совершенно.

По венам пробежал холодок, пока отец неуверенно переводил взгляд с Николаса на меня и обратно.

— Хорошо, — наконец сказал папá, похлопав меня по руке. — Тогда все в порядке. Я уверен, у Нико есть к тебе вопросы касательно Адрианы. Ты знаешь сестру лучше всех.

Мои легкие вспомнили, как дышать, и я глубоко вздохнула.

— Да, папá. — «Я бы лучше земли наелась».

Входная дверь распахнулась: в дом вошел брат моей мамы и советник отца, Марко, в сопровождении жены. Папá попрощался с нами и отошел их поприветствовать, оставив меня наедине с женщиной, чье присутствие начинало меня почти физически обжигать.

Он смотрел на меня сверху вниз.

Я смотрела на него снизу вверх.

Уголок губ Николаса дернулся, и я осознала, что забавляю его. Щеки побагровели от возмущения. Раньше я бы пробормотала что-нибудь милое и удалилась, но это было *раньше*.

Теперь же я никак не могла сохранять вежливую мину, глядя в глаза Николаса или Нико, — без разницы.

— Мы *не* знакомы, — твердо сказала я.

Он надменно вскинул бровь.

— Уверена? А мне казалось, ты уже успела все обо мне понять.

Сердце забилося столь быстро, что мне стало страшно за собственное здоровье. Я не представляла, что ответить: ведь он был прав. Тем не менее диалог никаким образом не опровергал ни одну из моих догадок.

Николас равнодушно разгладил галстук на груди.

— Сказать, что бывает с теми, кто болтает о других слишком много компрометирующего?

— Их убивают? — выдохнула я.

Взгляд Николаса скользнул по моим губам.

— Умница. — Его голос был низким и мягким, и я почему-то на миг предположила, что сделала нечто очень хорошее.

Он повернулся, чтобы уйти, но внезапно передумал и шагнул ко мне вплотную. Сердцебиение сбилось. Наши руки столкнулись, меня словно опалило огнем.

Дыхание Николаса защекотало мою шею.

— Приятно познакомиться, Елена. — Теперь он произнес мое имя так, как и должен был сделать: без всякого подтекста. Мол, он просто вычеркнул меня из списка дел, прежде чем удалиться.

Я не шелохнулась, глядя перед собой и рассеянно отвечая на вопросы родственников.

Итак, таков мой будущий зять. Мужчина, за которого выйдет сестра.

Может, это и делало меня ужасным человеком, но часть вины свалилась с плеч и вылетела за дверь, пока порог дома переступал очередной гость.

Внезапно я обрадовалась, что подобная участь выпала Адриане, а не мне.

Глава вторая

Ничего личного, чистый бизнес.

— *Отто Берманман** —

Елена

Все было даже хуже, чем я предполагала. Адриана занималась тем, что аккуратно сворачивала блузку и укладывала ее в лежащий на кровати чемодан. На ней была футболка оверсайз с изображением мультяшной канарейки Твити и яркие рождественские носки, а по всей комнате валялись рулоны туалетной бумаги.

Несколько лет назад у Адрианы случился бунтарский период, и она обрезала волосы под мальчика. Я никогда не видела мать в таком ужасе. Сестра лишилась кредитки и посещения театрального кружка в учебном заведении для девочек, и каждый день в течение месяца на нее обрушивались полные негодования взгляды. Теперь стрижка превратилась в стильное удлиненное каре, но я навсегда запомнила, что самостоятельно подстричь волосы в этом доме означало смертный приговор.

Темно-синие стены, белая лепнина под потолком, золотые акценты — комнату Адрианы можно показывать в телевизионном шоу... Если бы спальня не выглядела так, как будто в ней стошнило дизайнера костюмов. По стенам развешаны

* Бухгалтер организованной преступности США (1891–1935).